

Вертикаль
днзетасца
97

10 Собеседник
20'1997
(продолжение)

лись. Хотя костяк всегда оставался. Привитое «Современнику» понятие «коллектив единомышленников» — это общая многоголовая гидра, где одна голова всегда должна равняться на другую.

— А вам вообще чужды коллективные рефлексы?

— Я их просто не выношу, потому что в свое время этим обелася. Ими, этими коллективными идеями. Для коллективизма существует свой возраст — детский сад, школа, студенчество и, может быть, какие-то первые шаги, когда ты пришел в театр. Но наступает такой момент (а он неотвратим для каждого актера), когда надо выбирать свой путь, заниматься саморазвитием и самим собой. Не может быть здесь уравниловки — она вредна очень. Я категорически против формулы «театр — это коллектив единомышленников». Никакой театр не коллектив, это — ложь. Советский театр, может быть, и коллектив. Вот спектакль — это да, коллектив, потому что это группа людей, с которыми ты выстраиваешь свои взаимоотношения. Но нельзя же каждый день приходиться на собрания в театр, а в «Современнике» эта бездарная общественная жизнь была со страшным пафосом поднята на пьедестал. Может, в свое время это что-то и давало — какой-то протест против архаичности театра, скажем МХАТа, который был тогда все-таки театром звезд.

— А сейчас МХАТ уже не театр звезд?

— Я туда не захожу давно уже.

— Потому что вы не очень хорошо расстались?

— Я рассталась со МХАТом действительно не очень хорошо, но это не значит, что МХАТ не очень хороший театр. Полагаю, все имеет свои циклы — рождается, цветет и опадает. Потом тоже что-то расцветает на этом месте.

Сжигая все мосты

— Из МХАТа вы уходили в никуда?

— Вот именно. И из «Современника» тоже. Лишь через некоторое время Козаков предложил мне «Безымянную звезду». Уход из МХАТа был в моей жизни более мощным событием, чем уход из «Современника». Началась перестройка, открылись какие-то возможности для реализации. И постепенно, шаг за шагом, мы начинали преподавать в Оксфорде, затем с Калягиным уехали в Швейцарию, опять преподавали, и лишь затем была Франция. Сейчас каждый старается выжить в меру своих способностей... Европейские страны — это то место, где люди любят учиться. Иногда они доживают до седых волос, но все равно идут в класс. Это у них такое отношение к жизни, которого у нас, русских, к сожалению, нет...

Свобода внутренняя и внешняя

— Если у тебя в Париже есть час времени, ты сидишь в кафе и балдеешь. Причем ты можешь пить что-нибудь совсем простое. Тебя никто не тронет и не скажет: «Девушка, вы что, сюда чай пришли пить, что ли?» Ты можешь себе представить, чтобы я в Москве в девять часов вечера сидела и просто пила чай в каком-нибудь кафе? А там тебя за это не презирают. К тому же это потрясающая возможность: быть в толпе и при этом оставаться в одиночестве. И никто не будет посягать на твою свободу.

Это nirvana, когда сидишь на улице и смотришь на проходящих людей. Смотришь и отдыхаешь — люди куда-то уплывают. Этого состояния у себя на родине я никогда не испытывала. Поэтому в Москве я не хочу ни-ку-да ходить!

Чувство фонда как чувство долга

— Вы возглавляете Благотворительный фонд русских актеров. Зачем вам это нужно, за счет чего он существует?

— За счет того, что я добываю деньги сама, трясу кого-нибудь. Например, какие-нибудь банки, хотя это очень тяжело. Но мало того, я обнаружила, что произносить слово «фонд» не очень-то прилично, ибо люди знают, что многие фонды отмывали деньги. Поэтому когда приходишь что-то просить, то еще и за всех краснеешь, встречая сразу скептический взгляд.

Когда я выходила замуж, начинались муки и пытки, а меня интересуют совершенно другие вещи.

О браках звездных и своих

— Бытует расхожее мнение, что известная актриса не может быть счастлива в личной жизни. Она всегда одна. Как вы, например...

— Почему же? Очень много счастливых браков: Симона Синьоре — Ив Монтан, Плисецкая — Щедрин, Вишневецкая — Ростропович... Хотя у любого человека, по-моему, всегда возникает сомнение, когда он видит счастливую пару. Это в наш век большая редкость. Брак сегодня — это такая вещь, когда ты берешь кого-то за руку (или же тебя кто-то берет) и идешь с этим человеком по всем жизненным сложностям всевозможного характера. Вдвоем их преодолевать легче. И если у тебя нет с этим человеком заговора против всех, то брак распадется. Да, есть браки, в которых колоссальная доля светскости. Когда он — в Милане, она — в каком-нибудь Рио-дель-Порто. И они перезваниваются. Может быть, в этом есть тоже свой смысл? Потому что ты как бы на расстоянии, у тебя нет особых забот и хлопот в жизни, и ты — богат. Лично же мне кажется, что брак — это подобие союза четы Маниловых: даже когда один человек говорит, предположим, глупость, то другой стороне она глупостью не кажется. Он этой глупостью восхищается, она ему нравится. А со стороны неважно, как это выглядит, плевать! И тогда появляется общая взаимосвязь. Когда этого странного болезненного родства нет, то брак грешит всякими изъянами...

В звездном браке кто-то должен быть второй скрипкой. Скажем, в браке Сергей Герасимов — Тамара Макарова было ясно, что Тамара Федоровна была всепрощающим женским началом. Одно дополнило другое — ему надо было ее опекать, защищать, он был человеком сильным. А она, наоборот, просто не боролась с ним никогда — судя по ее потрясающим чертам лица, которые сохранились до глубокой старости. Там не было страшных носогубных складок, хищного выражения глаз, губ и отпечатка сожранных людей на

лице. Потому что она не боролась за собственного мужа.

У меня опыт двух браков, из которых я сделала вывод и сказала сама себе: «Настя, судя по всему, брак — это не то, что тебе уготовано судьбой. Когда ты выходишь замуж, у тебя начинаются муки и пытки, так зачем же они тебе нужны, дорогая?» Мне кажется, все это происходит от моей полной неспособности к тому, что называют браком. Меня в жизни интересуют совершенно другие вещи — творчество, например. И значит, я никогда не поставлю на первое место бытовые интересы.

— Вас вообще-то сильно в жизни бытовуха угнетала?

— Периодически. Вот, например, вхожу я в эту квартиру. Это своего рода кислородная капсула. Я тут думаю, читаю, разговариваю с друзьями, звоню по телефону. Это — моя обитель. Здесь ничто не раздражает и не мешает жить. Вот представьте, я готовлю программу. А в это время начинается страшное отвлечение на то, что называется «семья» — дети, муж, племянники и так далее.

— И все же вопреки сказанному вы вырастили сына...

— Период, когда я растила сына, был периодом моей огромной жертвенности. Мне приходилось воспитывать его и за мужчину, и за женщину — я ведь довольно-таки рано осталась одна. Та часть, что «за женщину» — была более-менее понятной, но «за мужчину» было очень тяжело. Ибо общение с отцом (интенсивное) у него началось с 18 лет, когда Никита включился в воспитание. Это был как раз тот период, когда ему была нужна мужская рука. Это было вовремя и принесло колоссальную пользу. Даже тот совет Никиты, чтобы он пошел в армию на 3 года... И Степан отслужил 3 года на флоте — и не просто на Черноморском — это была Камчатка... Морчасти погранвойск.

— Выходит, Степана целенаправленно «забрили» туда, где служить и дольше, и трудней? Это, согласитесь, очень нетипично для звездных семей, где отпрысков традиционно спасают от армии...

— Слово отца для Степана было решающим. А я не воспитывала его так, чтобы давить на него. На мальчика давить нельзя, иначе он будет с перебитым хребтом. Я всегда считалась с его мнением. И армия, конечно, его «возмужала» за три года. Теперь это самостоятельный человек, который, слава Богу, во многом разбирается гораздо лучше меня, и я очень часто у него спрашиваю совета. У меня ум все-таки, скажем, как бы литературный, а у него более жизненный.

Сожитель

— Его зовут Антон, и мы живем с ним восемь лет. Антон — зеленый волнистый попугайчик. В честь кого назвали? Конечно, в честь Антона Павловича Чехова. Антон — любитель поговорить. Но только тогда, когда у него особое настроение. Говорит он: «Антоша — хорошая птичка». Потом я его учила говорить: «Степochка — крошка», но вместо этого он все время говорит: «Степochка — крышка».

— Существуют ли на данном этапе особи мужского пола, с кем вы так же нежно дружны, как с Антоном?

— У меня, бесспорно, есть приятели-мужчины. Но все-таки подруги мои близкие — это женщины...

Андрей ДОМНИЧ.